

Деятельность и идеи Мадзини привлекали и привлекают многочисленных исследователей. Они служат предметом научных споров, порождая различные, иногда прямо противоположные толкования. В данной связи оценки, которые в свое время давали Мадзини Маркс и Энгельс, бесспорно, имеют важное значение, поскольку, во-первых, сами они служат предметом дискуссии в исторической литературе, при этом зачастую отношение основоположников марксизма к Мадзини искажается или интерпретируется очень примитивно; во-вторых, анализ воззрений Маркса важен не только для его собственной биографии, но помогает выработать научную характеристику деятельности Мадзини.

Настоящее сообщение не претендует ни на раскрытие того, что дают высказывания Маркса и Энгельса о буржуазно-демократической и утопическо-социалистической мысли для оценки Мадзини в целом, ни на рассмотрение того, что научный коммунизм в позитивном плане противопоставил этим концепциям, в частности по проблеме национального вопроса, объединения Германии и Италии. Цель сообщения более скромная — проследить, на какие идеи Мадзини, когда и как реагировали Маркс и Энгельс в своих произведениях и письмах.

Необходимо при этом иметь в виду, что ни Маркс, ни Энгельс не ставили перед собой задачу дать детальный анализ взглядов Мадзини (как, например, Прудона) или их общую оценку. В подавляющем большинстве случаев отклики Маркса и Энгельса связаны с конкретными обстоятельствами и касаются тех или иных сторон как деятельности, так и теории Мадзини.

Впервые имя Мадзини упоминается в работе Маркса и Энгельса «Третий международный обзор», помеченной авторами 1 ноября 1850 г.; 2 декабря 1850 г. мы находим первое упоминание о Мадзини в переписке (письмо Маркса Энгельсу). В последующем Маркс и Энгельс неоднократно и в своих письмах, и в статьях останавливались на деятельности Мадзини. При этом их суждения и отзывы отчетливо группируются в хронологическом отношении. Первая группа — 1850—1852 гг., т. е. годы деятельности Центрального комитета европейской демократии, организатором и душой которого был Мадзини. Вторая группа относится

к 1853 г. (восстание в Милане). Третья группа — 1856—1859 гг., т. е. связанная с предысторией войны 1859 г. и самой войной. Четвертая группа относится ко времени деятельности Международного Товарищества Рабочих, она касается участия мадзинистов в создании Товарищества (1864—1865 гг.) и затем установления и развития контактов с итальянскими рабочими организациями (1871 г.).

Немногочисленные последующие высказывания Маркса и Энгельса о Мадзини связаны в основном с этими событиями¹. Однако это не значит, что Маркс и Энгельс только в указанные годы интересовались работами Мадзини. Их статьи и письма свидетельствуют о том, что они постоянно интересовались публицистической деятельностью вождя итальянских демократов, читали его статьи, манифесты, брошюры, печатавшиеся в английской, французской и итальянской прессе². Внимательно следили они и за всеми сообщениями о практической деятельности Мадзини. Необходимо отметить и следующее. Как уже говорилось, выступления Маркса и Энгельса против Мадзини всегда были связаны с конкретными обстоятельствами и вызывались определенными выступлениями последнего. Однако в статьях или выступлениях Маркса и Энгельса всегда в той или иной мере содержались определенные общие оценки, основанные на непосредственном знании произведений Мадзини, его соратников и противников. Примечательно, например, что в конце 1850 г., обсуждая необходимость выступить против манифеста «К немцам», написанного Мадзини, Ледрю-Ролленом и Руге, Маркс предлагает Энгельсу подумать о более широкой критике Мадзини³, на что Энгельс отвечает, что для этого ему необходимы *все* сочинения Мадзини⁴.

Среди высказываний Маркса и Энгельса о Мадзини имеется одно ретроспективное, касающееся более раннего периода. В работе «К истории Союза коммунистов», говоря о связи Союза справедливых с другими революционными группами и превращении Союза, после перемещения его центра в Лондон, в интернациональную организацию, Энгельс замечает, что «официальная польская эмиграция» (в противовес радикальной ее части), «как и Мадзини, была, само собой разумеется, скорее противником, чем союзником»⁵. Принципиальная позиция первой подлинно пролетарской руководимой Марксом и Энгельсом организации — Союза

¹ Последнее упоминание имени Мадзини в сочинениях Маркса и Энгельса содержится в написанной Энгельсом в ноябре 1892 г. биографии Маркса. См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 355.

² Среди небольшой сохранившейся и описанной части библиотеки Маркса имеется четвертое издание «Adress to Pope Pius IX on his encyclical letter» с его пометками (см. *Ex libris Karl Marx und Fridrich Engels*. Berlin, 1967, S. 141).

³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 142.

⁴ См. там же, стр. 145.

⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 218.

коммунистов, выросшего из Союза справедливых, — по отношению к мадзинизму была определена еще до революции 1848—1849 гг.

Обратимся теперь к первому циклу высказываний Маркса и Энгельса о Мадзини. Примечательно, что речь о Мадзини заходит именно в «Третьем международном обзоре» — документе, в котором впервые Маркс и Энгельс констатируют, что капиталистические страны вступили в период промышленного процветания и что, следовательно, о новом подъеме революционного движения в ближайшие годы не может быть и речи. Исходя из этого вывода, они наметили новую тактику Союза коммунистов, направленную на сплочение сил пролетариата и размежевание с мелкобуржуазной демократией, повели решительную борьбу против сектантских, заговорщических элементов, против идеалистически-волюнтаристских воззрений, ведущих к авантюристской тактике.

Впоследствии Энгельс так писал о трудностях, которые встретило восприятие этих новых задач, а через них и усвоение важнейших элементов теории даже в Союзе коммунистов: «Это трезвое понимание положения представлялось, однако, многим ересью в то время, когда Ледрю-Роллен, Луи Блан, Мадзини, Кошут, а из менее значительных немецких светил — Руге, Кинкель, Гёгт и им подобные дюжинами создавали в Лондоне будущие временные правительства не только для своих отечеств, но и для всей Европы и когда все сводилось лишь к тому, чтобы добыть путем революционного займа в Америке необходимые средства на осуществление европейской революции и, само собой разумеется, на создание в мгновение ока ряда различных республик». И далее Энгельс отмечал, что даже такой человек, как Шаппер, «дал себя одурачить»⁶.

Тут ясно констатируется, что деятельность Мадзини, его идеи представляли помеху для усвоения новой тактики в самом Союзе коммунистов, т. е. для формирования кадров пролетарских революционеров — задачи огромной исторической важности. Еще раз подчеркнем, что это не исчерпывалось одной тактикой. Решая конкретные вопросы, в том числе и тактические, откликаясь на волнующие современников события, Маркс и Энгельс всегда стремились подвести своих соратников, своих читателей к проблемам теоретическим. Через решение конкретных жизненных ситуаций — к пониманию теоретических вопросов, — таков был их метод распространения и утверждения нового мировоззрения и в 1848—1849 гг., и в 50-х, и в 60-х годах. В этом плане ясна и другая особенность высказываний о Мадзини, относящихся к 1850—1852 гг. Совершенно очевидно, что во всех тех произведениях и письмах, где упоминается Мадзини, речь идет прежде всего о немецкой мелкобуржуазной эмиграции, о немецких «ву-

льгарных демократиях», главным образом о Руге⁷, в связи с их участием в деятельности Центрального комитета европейской демократии; о присоединении к лозунгам Мадзини, его проповеди немедленного восстания, о формировании временных правительств, об идее «революционного займа» и т. п., — короче говоря, об игре в революцию. Однако это вовсе не значит, что Маркс и Энгельс полностью отождествляли немецких мелкобуржуазных эмигрантов и Мадзини.

Обратимся к самим высказываниям. В «Третьем международном обзоре» говорилось: «Здесь в Лондоне заседает итальянское правительство *in partibus infidelium*, во главе которого стоит анти-папа, г-н Мадзини. Главенство, которого г-н Мадзини не только требует в папских владениях, но которым он действительно пользуется, точно так же носит в настоящий момент чисто духовный характер. Папские буллы имеют чисто религиозное содержание, манифесты Мадзини тоже, они проповедуют религию, апеллируют к вере, их девиз — *Dio ed il popolo*, бог и народ. Мы спрашиваем, есть ли какая-нибудь разница между претензиями обоих, кроме того, что г-н Мадзини является, по крайней мере, представителем религии большинства народа, к которому он обращается...»⁸. Тут совершенно ясно выступает следующее. Во-первых, критика мистически-религиозной стороны воззрений Мадзини. В дальнейшем этот аспект постоянно развивался. Оценка религиозных моментов идеологии Мадзини почти сразу же переросла в критику его идеализма вообще. Во-вторых, уже в этом первом упоминании о Мадзини присутствует мысль, что если его идеи имеют определенное историческое оправдание в условиях отсталой тогда Италии, то, перенесенные в другие европейские страны, они приобретают совсем другой характер и смысл. Совершенно отчетливо это прослеживается в том же произведении: «Если лозунг Мадзини: бог и народ, *Dio e popolo*, может иметь какой-то смысл в Италии, где бога противопоставляют папе, а народ — монархам, то выставлять... (его. — Н. К.) в качестве лозунга, долженствующего разрешить загадку века, — это уже слишком!»⁹

Мысль о том, что Мадзини пытался навязать всему революционному движению идеи, порожденные специфической обстановкой отсталой страны, впоследствии была развита Марксом и Энгельсом.

В то же время Маркс и Энгельс отмечали, что красноречивые призывы Мадзини отражали настроения «огромной массы эми-

⁷ См. в особенности: Ф. Энгельс — К. Марксу 25.I 1851 (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 27, стр. 155—156), а также работу Маркса и Энгельса «Великие мужи эмиграции» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 8, стр. 304—307 и др.).

⁸ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 7, стр. 471.

⁹ Там же, стр. 490.

⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 21, стр. 230.

грантов» (содержали в себе их «символ веры», как писали они)¹⁰, выражали превратно истолкованный ими опыт революции 1848—1849 гг., или, перефразируя сказанное по другому поводу Марксом¹¹, выражали не разум, а предрассудки мелкобуржуазных идеологов, в особенности их отказ от материалистического анализа уроков революции, все более явный переход на позиции откровенного идеализма, не просто отказ от защиты материальных интересов масс и осознание классовых антагонизмов, но и прямое осуждение последних.

В-третьих, как уже говорилось, тогда эта линия выступала как основная — Маркс и Энгельс осуждали авантюристскую тактику, призывы «к действию», бессодержательную эмигрантскую возню и игру в конспирацию, революционную позу и фразерство¹². За всем этим они вскрывали непонимание, игнорирование реальных процессов общественного развития.

В 1851—1852 гг. в переписке Маркса и Энгельса критика идеализма Мадзини, забвения им материальных интересов масс выходит на первый план. Именно в это время, размышляя над призывами Мадзини, над реальными перспективами развития революционного движения в Италии в связи с начавшимися разногласиями в среде итальянской эмиграции, Маркс ясно определил наиболее слабое звено в идеологии мадзинизма, увидел основной недостаток буржуазно-демократического лагеря, боровшегося за итальянское воссоединение, — его отношение к крестьянским массам (в данном случае можно только констатировать связь приводимых ниже мыслей Маркса с теми положениями, которые он в это время разрабатывал).

11 сентября 1851 г. Маркс писал Иосифу Вейдемейеру: «Политику Мадзини я считаю в корне ложной. Побуждая Италию немедленно порвать с Австрией, он действует только в интересах Австрии. С другой стороны, он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к этой веками угнетаемой части Италии, и, забывая об этом, он подготавливает новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и «просвещенными гражданами». Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое так же, как и ирландское крестьянство, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для выпренной фразеологии его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов. Но, несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении исполь-

ной системы аренды в свободную буржуазную собственность»¹³.

А через два дня, 13 сентября, он писал Энгельсу: «Итальянский комитет тоже раскололся... Главные мотивы будто бы таковы. Во-первых, бог. Они не желают бога. Затем, — и это важнее, — они упрекают мэтра Мадзини в том, что, проповедуя восстание, то есть вызывая его преждевременно, он действует в интересах Австрии. Наконец, они настаивают на прямой защите материальных интересов итальянских крестьян. Но этого нельзя сделать, не задев, с другой стороны, материальных интересов буржуа и либерального дворянства, из которых состоит великая фаланга Мадзини. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. Если Мадзини или кто-либо иной, кто станет во главе итальянской агитации, не превратит на сей раз крестьян, смело и немедленно, из исполщиков в свободных земельных собственников... то австрийское правительство прибегнет, в случае революции, к галицийским средствам»¹⁴.

Таким образом, критикуя воззрения и практику Мадзини, Маркс видел не только тот вред, который они наносят формированию самостоятельного рабочего движения, переходу общеевропейского революционного движения на новый, высший этап, но и то, что ограниченность мадзинизма является препятствием на пути последовательно демократического решения национального вопроса в самой Италии.

В письмах Маркса и Энгельса совершенно определенно говорится еще об одной причине, побуждавшей их выступить против Мадзини, указывается еще на одну характерную черту его идеологии — на отрицательное отношение к социализму и коммунизму. В начале 1852 г. в связи с конфликтом с французской частью Комитета, Мадзини совершенно ясно высказал свою позицию. Это немедленно было отмечено Марксом. 3 марта он писал Энгельсу: «Несколько дней тому назад мне попал в руки написанный *по-итальянски* манифест синьора Мадзини. Он выступает в нем в качестве *святого* буржуа... «Il materialismo» и «il egoismo», говорит он, погубили Францию. Рабочие унаследовали оба эти порока от буржуазии»¹⁵. А 25 марта по поводу статей Мадзини в брюссельской «Nation» он писал И. Вейдемейеру:

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 507.

¹⁴ Там же, стр. 303. Маркс имеет в виду политику австрийского правительства, направленную на использование классовых и национальных противоречий между украинским крестьянством и польским дворянством в Галиции с целью подавления польского национально-освободительного движения в 1846 и 1848 гг. В 1846 г. австрийскому правительству удалось использовать восставших крестьян для борьбы с польскими повстанческими отрядами. В 1848 г., пытаясь использовать крестьянство против польского национально-освободительного движения, австрийское правительство объявило об отмене за выкуп в Галиции барщины и некоторых других феодальных повинностей.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 29.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 487.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 209.

¹² Энгельс писал Марксу 23 сентября 1851 г.: «В общем же итальянская революция далеко превосходит немецкую бедностью мыслей и богатством фраз» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 305).

«Мадзини разразился своей первой статьей, полной гнусных и глупых высказываний против Франции, против социализма»¹⁶. Через несколько дней он писал Энгельсу: «Г-н Мадзини, являющийся вот уже два года папой демократической церкви in partibus, счел, наконец, своевременным дать выход накопившемуся у него яду против социализма... он сваливает на социалистов 2 декабря, занятие Рима, словом, всю контрреволюцию...»¹⁷.

Таким образом, уже в этот период Маркс и Энгельс четко определили свое отношение к Мадзини, к его идеям и деятельности. Прежде всего, несмотря на все заявления Мадзини о надклассовой природе его идей (да и отрицание вообще деления на классы), они четко выявили классовую сущность мадзинизма. В 1853 г. в связи с нападками на Мадзини в швейцарской прессе, Энгельс писал: «...А между тем всем известно, что Мадзини, со всеми его заговорами и восстаниями, является таким же защитником современного общественного строя, как и сам г-н Дрюэ»¹⁸.

Маркс и Энгельс выступали против религиозной окраски идеологии Мадзини, его идеализма, сознательного игнорирования материальных интересов трудящихся масс, против его авантюристической тактики. Они отмечали, что выступления против социализма и коммунизма не только косвенно, но и прямо направлены против развивающегося рабочего движения, наносят ущерб делу национального объединения Италии. Внимательно следя за событиями в среде итальянской эмиграции, они надеялись на то, что эти негативные стороны мадзинизма будут преодолены. Вместе с тем высказывания этого времени показывают, что Маркс и Энгельс видели историческую обусловленность идей Мадзини, и их оценки были не однозначны. Последнее особенно ярко выявилось в 1853 г. в связи с героической попыткой восстания в Милане, обреченной на провал. Летом 1852 г. Маркс в письме к Клуесу, обсуждая призывы «К действию!» вне зависимости от обстановки, с иронией отмечал, что Мадзини вдруг обрел «здравый смысл», испугавшись последствий немедленных повстанческих действий¹⁹. Однако колебания самого Мадзини не предотвратили роковых событий. И первый урок этого восстания Маркс и Энгельс видели в том, что «оно отучит от заговоров». 23 февраля 1853 г. Маркс писал Энгельсу: «Как ни жалка миланская история в качестве финала вечных заговоров Мадзини, и хотя я глубоко убежден, что он лично себе сильно повредил, — я все же уверен, что это событие полезно для революционного движе-

ния в целом»²⁰. И этот положительный эффект он видел в возможной переоценке тактики итальянскими революционерами²¹, в том, что последовавшие за восстанием репрессии австрийского правительства способствуют превращению Италии «в тот «революционный кратер», которого никогда не создал бы Мадзини всеми чарами своей декламации»²². Наблюдая за осмыслением уроков миланского восстания самими мадзинистами, Маркс с радостью отмечал наметившееся левое течение, все большее внимание уделявшее крестьянству. По поводу выступления Аурелио Саффи Маркс в статье для «New York Daily Tribune» писал: «Итак, большим прогрессом для партии Мадзини является то, что она, наконец, убедилась, что даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма имеет место такая вещь, как классовые различия, и не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения. Может быть, сторонники Мадзини сделают еще шаг вперед и проникнутся сознанием, что им самим надо серьезно заняться материальным положением сельского населения Италии, если они хотят встретить отклик на свой лозунг «Dio e popolo»»²³.

Однако когда консервативная лондонская и европейская печать начала травлю Мадзини, используя найденную у Орсини прокламацию, призывавшую к внезапному восстанию, к тому, что если нет ружья, то надо действовать кинжалом, Маркс в статье для «New York Daily Tribune» в ноябре 1853 г. предельно четко выразил свою позицию. Он писал: «„Кинжал, если он поражает внезапно, может сослужить хорошую службу и заменить ружье“. Лондонская пресса изображает это как открытый призыв „к гайному, трусливому убийству“. Хотел бы я только знать, каким образом в стране, подобной Италии, где не существует никаких средств для открытого сопротивления и вся страна наводнена полицейскими шпионами, революционное движение могло бы рассчитывать на какой-либо успех без использования *внезапности*? Хотел бы я знать, каким оружием может еще сражаться итальянский народ против австрийских войск, если дело вообще дойдет до сражения, кроме *кинжала* — единственного оставшегося у него оружия, которое Австрия не сумела у него еще отобрать? Мадзини далек от того, чтобы рекомендовать итальянцам применять кинжал для трусливого убийства *безоружного* врага, — он призывает их действовать кинжалом, правда, „внезапно“, но в открытую, по примеру *Милана*, где горстка патриотов, имевших только ножи, напала на караульные помещения вооруженного австрийского гарнизона... Так обстоит дело с моральной стороной воззвания Мадзини. Что касается его политической ценности, то

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 429. Как следует из письма Вейдемейеру 20.II 1852 г., Маркс собирался выступить со статьей против Мадзини (см. там же, стр. 414).

¹⁷ Там же, стр. 34.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 96 (Дрюэ — швейцарский радикал, в это время был членом Союзного совета, т. е. правительства Швейцарии).

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 455—456.

²⁰ Там же, стр. 182.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 572—578.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 182.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 573.

это совершенно другой вопрос. По моему мнению, Мадзини допускает ошибку как в своих суждениях о пьемонтском народе, так и в своих мечтах об итальянской революции, которая, как он полагает, осуществится не вследствие благоприятной обстановки, созданной европейскими осложнениями, а в результате обособленного выступления действующих внезапно итальянских заговорщиков»²⁴. Мы привели полностью это высказывание Маркса, поскольку, на наш взгляд, оно наиболее ярко характеризует отношение Маркса и Энгельса к одной из важнейших сторон идеологии Мадзини.

Следующая группа высказываний Маркса и Энгельса о Мадзини охватывала период революционного подъема и войны 1859 г., период, когда бонапартизм в форме официальной идеологии и в своей «либеральной» форме приобрел особую опасность. «Либеральная» разновидность бонапартизма оказывала тлетворное влияние на довольно широкие круги демократов. В это время агитационная и практическая деятельность Мадзини привлекает пристальное внимание Маркса, что объясняется и ролью итальянского национально-освободительного движения в те годы и позицией Мадзини по отношению к бонапартовским попыткам использовать национальные движения. В статье, целиком посвященной одному из манифестов Мадзини, Маркс отмечал: «При нынешних обстоятельствах всякое заявление со стороны Мадзини — это событие, заслуживающее большего внимания, чем дипломатические обращения соперничающих кабинетов или даже цветные бюллетени с театра войны. Как бы различны ни были мнения людей о личности римского триумвира, никто не станет отрицать, что в течение почти тридцатилетнего периода итальянская революция связана с его именем и что в течение того же промежутка времени Европа признает его лучшим выразителем национальных чаяний своих соотечественников»²⁵.

Эта высокая оценка продиктована прежде всего решительной антибонапартистской позицией Мадзини, разоблачением им стовора Наполеона III и Кавура — разоблачением, которое Маркс расценил как «замечательный акт нравственного мужества и патриотического самопожертвования»²⁶; Маркс здесь имел в виду то, что Мадзини пошел против течения, выступил против точки зрения большей части своих сторонников. Антибонапартистские манифесты Мадзини цитировались Марксом в его корреспонденциях, иногда приводились почти целиком («Мадзини и Наполеон», «Манифест Мадзини»). Разоблачения Мадзини бонапартистских интриг в Италии были использованы Марксом в «Господине Фогте»²⁷. Через много лет в работе «Внешняя политика русского

царизма» Энгельс вновь укажет на проведенные Мадзини разоблачения дипломатических интриг «великих» держав в 1859 г.²⁸

Однако это вовсе не значит, что в ту пору Маркс отказался от критики негативных сторон мадзинизма. Он вновь подчеркивает идеализм Мадзини, напыщенность его деклараций, его надежды на эмиграцию и рекламу «снадобий» для излечения мелкобуржуазных эмигрантских деятелей от «политического паралича». Он пишет, что «Мадзини, как нам кажется, вновь возвращается к своим прежним фантазиям...»²⁹.

Некоторое время Маркс возлагал надежды на то, что в ходе бурно развивающихся событий Мадзини сумеет преодолеть прежние заблуждения и встать на последовательно демократические позиции, а это не могло бы не сказаться на ходе революционных событий в Италии, которых с нетерпением ждали Маркс и Энгельс. В статье «Мадзини и Наполеон» Маркс писал: «Недавно г-н Мадзини обратился к французскому императору с письмом, которое с литературной точки зрения должно занять, пожалуй, первое место среди произведений его пера. В нем найдется лишь немного следов того ложного пафоса, напыщенности, многословия и пророческого мистицизма, которые столь характерны для многих писаний Мадзини... Заметно также, что и взгляды его стали шире. До сих пор он играл роль главы республиканских формалистов Европы», обращал внимание «исключительно на политические формы государства...». «Теперь и г-н Мадзини не считает ниже своего достоинства обращать внимание на социальную действительность, на интересы различных классов... Хотелось бы только надеяться, что Мадзини на этом не остановится и, не поддаваясь ложному самолюбию, приступит к переработке всего своего политического катехизиса в свете экономической науки»³⁰.

Однако надежды Маркса не сбылись. И менее чем через год он написал Энгельсу: «Вообще же последняя вещь Мадзини не так хороша, как я думал... Его старое ворчание против социализма. Нам непосредственно с ним делать нечего. Но им можно с успехом пользоваться в качестве авторитета против Кошута и т. д.»³¹ Последняя фраза весьма многозначительна. Ожидание того, что с отказом Мадзини от прежних идеалистических, мнимо надклассовых позиций его дальнейшие шаги в сторону последовательного демократизма сделают возможным союз с ним, не оправдалось. Характерно, что, внимательно следя за революционными событиями 1860 г., подробно освещая их в своих статьях, Маркс и Энгельс упоминают о нем всего несколько раз и вскользь (как уже говорилось, в данном сообщении вопрос о том, что дают

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 530—531.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 381.

²⁶ Там же.

²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 521, 548—549 и др.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 42.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 294 и т. 12, стр. 595.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 434, 435.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 362.

оценки Гарибальди и гарибальдийского движения для характеристики мадзинизма, не затрагивается).

В 1864 г. в связи с основанием Международного Товарищества Рабочих произошло первое прямое столкновение Маркса и группы мадзинистов, действовавших под непосредственным руководством Мадзини. Перипетии его хорошо известны. К этому времени окончательно формируется социальная программа Мадзини, определяется его отношение к рабочему движению как к силе, способной сыграть важную роль в решении национального вопроса и демократического переустройства общества. Именно с целью привлечения рабочих к делу объединения Италии Мадзини и его последователи создают в Италии ряд рабочих организаций (обществ взаимопомощи), пытаются их объединить на основе своей программы, нашедшей наиболее четкое выражение в Пакте братства, представлявшем эклектическую смесь республиканских, прудонистских и других идей мелкобуржуазного социализма (сотрудничество классов и примирение их интересов, взаимопомощь и ассоциация, моральное воспитание и т. п.). Вариант этого Пакта, который в 1864 г. был предложен Неаполитанскому съезду итальянских рабочих обществ, рассматривался Мадзини и как программа, призванная послужить основой возникшего международного объединения рабочих.

Тому новому, что появилось в рабочем движении и что привело его представителей в Сент-Мартенс-холл, — идее необходимости создания *собственной* международной организации, еще не четко выраженному пониманию того, что освобождение рабочего класса может быть делом рук лишь самих рабочих, — грозило подчинение доктринам, отражавшим уже пройденный этап. Речь шла не о личном господстве в Товариществе, как иногда это пытались изобразить буржуазные и реформистские историки, а во многом о судьбах самого движения. В 1892 г. в биографии Маркса Энгельс писал: «При основании Интернационала Джузеппе Мадзини тоже пытался склонить объединившиеся в нем элементы на сторону провозглашенной им мистической, проникнутой духом заговорничества демократии с ее лозунгом «*Dio e rolo*» и использовать эти элементы в ее интересах»³².

Известно также, какие усилия приложил Маркс, чтобы создать принципиально иные программные документы Товарищества³³. Он сам ярко обрисовал это в своем письме к Энгельсу, рассказывающем о создании Интернационала. В том же письме содержится и характеристика мадзинистского документа: «Я потом видел эту чепуху, — писал Маркс. — Это было, совершенно очевидно, стряпней *Мадзини*, и потому ты заранее можешь дога-

даться, в каком духе и в каких выражениях изображался там действительный вопрос — рабочий вопрос...»³⁴. Столкновение с мадзинистами было первым идейным столкновением в Товариществе, вскоре завершившимся их выходом из Генерального Совета. В связи с этим конфликтом Маркс в письме к Л. Фонтену писал, что Мадзини, «известный как итальянский патриот», есть тем не менее «закоренелый враг интересов пролетариата, без защиты которых республиканизм является лишь новой формой буржуазного деспотизма»³⁵; в письме к Н. Филипс он называл Мадзини «весьма решительным врагом свободомыслия и социализма»³⁶.

Судя по очень несовершенной записи выступления, Маркс в основном говорил о противоположности классовых позиций при составлении Устава Товарищества и на заседании Генерального Совета 13 марта 1866 г.³⁷

Как видно из приведенных немногочисленных высказываний, в то время на первый план выходит критика отношения Мадзини к самостоятельному рабочему движению и буржуазной природы его воззрений. В то же время и именно в связи с этим Маркс отмечает и ограниченность демократизма Мадзини.

Еще в 1864 г. Маркс рассчитывал, что Интернационалу удастся укрепиться и в Италии и что там, как писал ему Энгельс, «лозунгу „*Dio e rolo*“ будет положен конец среди рабочих»³⁸. Однако до 1871 г. установить сколько-нибудь прочные контакты с Италией не удалось, хотя Генеральный Совет предпринимал такие попытки.

В 1871 г. обстановка значительно изменилась.

Воздействие Парижской Коммуны, усилившее объективные сдвиги в рабочем и демократическом движении Италии, общий рост влияния Интернационала и установление в первую очередь через Кафьеро контактов Генерального Совета с итальянским рабочим движением, деятельность Бакунина и распространение бакунизма, осуждение Мадзини Коммуны, его прямые нападки на Интернационал, ярко показавшие, что и в Италии мадзинизм стал тормозом пролетарского движения, — все это хорошо изучено как в итальянской, так и в советской исторической литературе. Подробно освещена также и борьба Маркса и Энгельса с мадзинистским влиянием в 1871—1872 гг.³⁹ Поэтому здесь можно огра-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 11.

³⁵ Там же, стр. 397.

³⁶ Там же, стр. 424.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 544.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 15.

³⁹ Укажем только наиболее общие последние работы, содержащие в то же время и необходимую библиографию: G. Manacorda. Il movimento operaio italiano attraverso i suoi congressi. Roma, 1963; A. Romano. Storia del movimento socialista in Italia, vol. I—III. Milano — Roma, 1954—1956; И. В. Григорьева. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966 (этому же автору принадлежит ряд очень ценных кон-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 355.

³³ В феврале 1866 г. в подписанном от имени Генерального Совета Г. Юнгом письме в газету «*Echo de Verviers*» указывалось, что эти документы были неприемлемы для Мадзини в связи с их «антибуржуазной тенденцией» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 538).

ничиться лишь непосредственными высказываниями основоположников научного коммунизма о Мадзини.

В первых числах июня 1871 г. Маркс ознакомился с опубликованной в июньском номере «Contemporary Review» статьей Мадзини, осуждающей Парижскую Коммуну. Об этой статье Маркс сообщил на ближайшем заседании Генерального Совета. Он подчеркнул: «Тот факт, что Мадзини всегда выступал против движений рабочих, известен не так широко, как следовало бы. Мадзини осуждал восставших в июне 1848 года... Факты говорят о том, что Мадзини с его старомодным республиканизмом ничего не понял и ничего не свершил. Своими призывами к национализму он привел Италию к военному деспотизму. То государство, которое он создал в своем воображении, для него — все, а общество, которое является реальностью, для него — ничто. Чем скорее народ избавится от подобных людей, тем лучше»⁴⁰. Эта несовершенная протокольная запись говорит о том, что Маркс пытался дать цельную характеристику политического и социального утопизма Мадзини, ставя на первое место его отношение к самостоятельному рабочему движению, к классовой борьбе пролетариата как характерный момент его идеологии.

Менее чем через месяц Маркс в беседе с корреспондентом газеты «The World» дополнил свою характеристику. Он отметил, что Мадзини «представляет всего-навсего старую идею буржуазной республики... Мадзини отстал от современного движения не меньше, чем немецкие профессора, которые, однако, до сих пор считаются в Европе апостолами развитой демократии будущего. Они были таковыми когда-то — может быть, до 1848 г., когда немецкая буржуазия, в английском понимании этого слова, едва достигла своего собственного развития»⁴¹. Здесь, пожалуй, четче, чем где-либо, выражена мысль Маркса о том, что Мадзини представлял тип революционера 30-х — 40-х годов.

В 1871 г. Энгельс, уже как секретарь-корреспондент Генерального Совета для Италии, выступил с рядом заявлений против Мадзини. 15 июля 1871 г. Кафьеро послал ему номер официоза Мадзини «La Roma del Popolo» с обращением «К итальянским рабочим». Накануне очередного съезда итальянских рабочих обществ, в условиях бурного подъема рабочего движения, вызванного Коммуной, усиления тяги к Интернационалу это обращение, содержащее старые идеи Мадзини (проповедь классового сотрудничества и морального самоусовершенствования), проникнутое откровенной враждебностью к принципам Интернационала и осуждением Коммуны, объективно было направлено против развития рабочего движения. Апеллируя к национальным чувствам,

кратких исследований); Н. Ю. Колпинский. Деятельность Энгельса в годы I Интернационала. М., 1971.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 631—632.

⁴¹ Там же, стр. 636.

оно могло сыграть роль тормоза в процессе формирования классового самосознания.

25 июля Энгельс сообщил Генеральному Совету о выступлении Мадзини. Прочитовав место, содержавшее нападки на Товарищество и в искаженном свете представлявшее участие Мадзини в его основании, Энгельс сказал, что свое обращение Мадзини заканчивает «советом итальянскому рабочему классу прочно организовать под его знаменем, объединиться в лигу борьбы с Интернационалом; он советовал итальянским рабочим верить в будущее Италии, работать для ее будущего и ее славы, создавать в своей среде кооперативные лавки (не производственные кооперативы), чтобы все могли получать возможно больше выгоды»⁴². Далее Энгельс подробно говорит о подлинной роли Мадзини в создании Интернационала, затем останавливается на обвинениях против Товарищества. Энгельс отметил следующие моменты: «Первое обвинение, будто Интернационал выдвигает в качестве обязательного требования атеизм, является ложью... Второе обвинение — об отрицании Интернационалом отечества — нелепо. Интернационал добивается единства, а не распада. Он борется против лозунга о национальностях (речь идет о бонапартистской идее. — Н. К.), потому что этот лозунг направлен на разделение народов и используется тиранами, чтобы насаждать предрассудки и вражду»⁴³.

На обвинение Мадзини, будто Интернационал проповедует отрицание собственности, что означает лишение рабочего плодов его труда, ибо право личной собственности заключается в праве каждого на то, что он произвел, Энгельс отвечает: «Третье обвинение лишь обнаруживает невежество Мадзини в самых элементарных вопросах политической экономии. Интернационал стремится не упразднить, а, напротив, установить эту личную собственность, которая обеспечивает каждому плоды его труда. В настоящее время плоды труда масс попадают в карманы немногих, и эту систему капиталистического производства Мадзини предлагает оставить без изменений, Интернационал же стремится ее уничтожить»⁴⁴. Кроме того, что сообщение Энгельса содержит как бы тезисы положительной программы, противопоставляемой идеям Мадзини (напомним, что протокольные записи весьма несовершенны), в то же время оно имеет и гораздо более общее значение. Здесь впервые, выступая против Мадзини, Энгельс выступает и против программы Бакунина, которую Мадзини нарочито смешивал с программой Интернационала⁴⁵.

⁴² Там же, стр. 638.

⁴³ Там же, стр. 639.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ В связи с появлением в № 38 и 39 «Roma del Popolo» новых статей Мадзини, где смешивалась программа Интернационала с бакунистской, Энгельс 6 декабря направил в эту газету письмо, в котором впервые в Италии дезавуировалась пропаганда Бакунина (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 477—478).

Энгельс сразу же предпринял шаги, чтобы довести до итальянских рабочих критику этого выступления Мадзини. 28 июля он подробно разбирает его в письме к Кафьеро. Нам важны следующие моменты. Энгельс считает, что тот устав, который Мадзини пытался навязать Интернационалу (Пакт братства), «был составлен в духе *централизованного заговора*, дающего тираническую власть центральному органу»⁴⁶. Энгельс подчеркивал принципиальное отличие пролетарских организационных принципов от принципов построения мелкобуржуазных заговорщических обществ.

Энгельс отметил, что устав Мадзини «был составлен в обычном стиле Мадзини: *вульгарная демократия*, предоставляющая политические права рабочим с целью сохранения в неприкосновенности *социальных привилегий* средних и высших классов»⁴⁷. Заканчивая свое выступление, Энгельс писал: «Необходимо, чтобы итальянские рабочие знали, что у великого агитатора и заговорщика Мадзини для них только один совет: *Просвещайтесь, обучайтесь как можно лучше* (как будто это возможно сделать, не имея средств!)... *старайтесь как можно больше создавать кооперативные погребительские общества* (даже не производственные!) — *и уповайте на будущее!!!*»⁴⁸.

В январе 1872 г., сообщая Лафаргу о распространении влияния бакунизма в Италии, Энгельс отмечал, что «это — реакция против доведенной до крайности буржуазной централизации Мадзини, который стремился руководить всем в единственном числе и вдобавок еще очень глупо»⁴⁹. Кроме всего прочего, тут впервые выражается мысль, что бакунинский анархизм был реакцией на реформаторство Мадзини.

На этом, собственно, и кончаются высказывания Маркса и Энгельса о Мадзини, о его деятельности и идеях. Завершаются они двумя, казалось бы, противоречащими друг другу положениями. 24 января 1872 г. Энгельс писал возглавлявшему тогда Миланскую секцию Интернационала Т. Куно, что «реакция, начиная с Жюля Фавра и Бисмарка и кончая Мадзини, когда требовалось выступить против Интернационала, всегда обрушивалась именно на бакунистское пустое и хвастливое фразерство»⁵⁰. Выступления Мадзини против Коммуны и Интернационала поставили его в глазах Маркса и Энгельса в один ряд с такими фигурами, как Бисмарк и Фавр. Объективно такую роль и сыграл в последние полтора года своей жизни герой итальянского рисорджименто по отношению к пролетарскому движению, к начавшемуся новому этапу революционного процесса.

А 23 мая 1872 г. Маркс в статье, вызванной нападками на него итальянского «свободомыслящего» Стефанони, нападками, имевшими целью дискредитировать Интернационал, писал: «Абсолютно неверно, что я, якобы из-за германских интересов, выступал в защиту Австрии против г-на Фогта, этого доблестного защитника Италии. В 1848—1849 гг. в «Новой Рейнской газете» я защищал дело Италии против большинства германского парламента и германской печати. Позднее, в 1853 г. и в другое время, я выступал в «New-York Tribune» в защиту человека, с которым я постоянно расходился по принципиальным вопросам — Мадзини. Словом, я всегда был на стороне революционной Италии против Австрии»⁵¹. Здесь ясно говорится, что в свое время Мадзини представлял революционную Италию.

И именно исходя из интересов революционной Италии, Маркс критиковал непоследовательность и ограниченность демократизма Мадзини, подчеркивал, что его мнимо надклассовая позиция в национальном вопросе, отрыв от проблемы национального воссоединения, от проблем социального переустройства, в первую очередь аграрной революции, суживали базу самого освободительного движения, порождали авантюризм в тактике. Эта сторона идеологии Мадзини, а также его активные выступления против самостоятельности рабочего движения, отрицание им революционности его целей определяли необходимость размежевания представителей пролетарской революционности с Мадзини. Здесь ясно проявились закономерности борьбы Маркса и Энгельса за выделение рабочего движения из общедемократического, за его самостоятельность. Лишь осознав себя как самостоятельную силу общества, поняв собственные классовые интересы, рабочий класс может возглавить борьбу широких народных масс, частью которых он является, за общедемократические цели, в том числе за последовательное разрешение национального вопроса.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 81.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 224.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Цит. по тексту, опубликованному в итальянских газетах (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 396).

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 325.

⁵⁰ Там же, стр. 329—330.

Материалы о Рисорджименто:

Феличе Орсини. Мемуары (с комментариями и статьей *Г.Сандомирского*)
М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.
М.Ковальская. Итальянская революция 1831 г. и Франция
М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство.
От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.
В.Невлер. К истории воссоединения Италии
М.Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение
К.Кирова. Французские революции (1789-1848 гг.)
и итальянские умеренные либералы (1830-1860 гг.)
К.Кирова. Концепции итальянской революции в ранних работах Мадзини
(1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)
К.Кирова. Социально-политические взгляды Дж.Гарибальди
Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто
Дж.Берти. Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера
Б.Козьмин. Николай I и Мадзини в 1854 г.
В.Невлер. Н.А.Добролюбов и борьба за воссоединение Италии
И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

см. соответствующий тэг в нашем сообществе

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=3337656>

подборки текстов

о Мадзини <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Гарибальди <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>